

Глава 21. Смертельная викторина в день лавины

Яростная метель пронеслась сквозь исполинское ледяное ущелье.

Острые нагромождения ледяных башен перемежались скалистыми выступами. В безоблачном, пугающе чистом небе нещадно палило солнце, слепя невыносимым ультрафиолетом.

Ли Цзяньчуань, тяжело опираясь на альпеншток, продвигался вдоль отвесного обрыва, то и дело проваливаясь в глубокий снег. Ледяная крупа секла лицо, вызывая почти физическую боль, словно кожу раздирали в кровь. Легкие работали на пределе, грудная клетка ходила ходуном, а каждый вдох обжигал гортань — казалось, в горло вонзаются острые лезвия, причиняя жгучую, невыносимую боль.

Он не понимал, почему, несмотря на то что в игру вошло лишь его сознание, тело в этом мире оставалось таким же выносливым и мощным, как в реальности. Однако эта знакомая сила позволяла ему чувствовать себя в горах на удивление уверенно.

Разумеется, он старался не выдавать своего превосходства.

— Я предлагаю... — донесся сзади прерывистый возглас; голос девушки звучал сухо и хрипло.
— Давайте пройдем этот участок и передохнем... я больше не могу.

— Скоро полдень, сделаем привал и пообедаем, — шедший впереди юноша обернулся к остальным участникам Северной группы.

Это предложение встретило единодушное одобрение.

Разреженный воздух высокогорья и жестокие условия восхождения измотали всех семерых. Даже Ли Цзяньчуаню было не по себе, что уж говорить об остальных. Собрав последние силы, они преодолели опасный крутой участок и остановились на подветренном склоне хребта, чтобы немного прийти в себя.

Мужчина присел, привалившись к огромному валуну. Вытащив ледоруб, он наколот немного льда, чтобы вскипятить воду, и принялся незаметно изучать остальных шестерых.

Он не мог понять, кто из них игроки. Причина была проста: все они были совершенно незнакомы друг другу. Ли Цзяньчуань ошибочно полагал, что другие семь NPC тренировались вместе и знали друг друга в лицо — в таком случае вычислить «чужака» было бы парой пустяков. Однако выяснилось, что до сегодняшнего утра эти четырнадцать человек не имели друг о друге ни малейшего представления.

Это означало, что Ли нужно опасаться не конкретных личностей, а абсолютно каждого в Северной группе. За полдня пути никто из них еще не проявил себя как игрок.

В условиях снежных гор, где жизнь висит на волоске, убить человека не составляло труда — даже малейшая ошибка со страховочной лестницей могла стать фатальной. Но в такой маленькой группе любое нападение мгновенно стало бы явным и привело бы к ответной расправе. А в худшем случае в этих суровых условиях погибнуть мог и весь отряд целиком.

Старые лисы были осторожны. Пока ситуация оставалась туманной, никто не спешил наносить удар первым.

— Брат Чуань, перекусишь?

К нему подошел Чжао Гуанхуэй, коренастый парень с квадратным лицом, который шел прямо за ним. Он протянул Ли упаковку сухого пайка. Тот принял еду и в ответ поделился с ним растопленной снеговой водой.

Семь человек сидели кругом в тени валунов. Лидера группы звали Сунь Чан. Это был симпатичный, открытый парень, который, по его собственным словам, уже покорила несколько вершин. Он вел себя как опытный альпинист: прокладывал маршрут и заботился об остальных. Единственная женщина в отряде, Линда, пользовалась его особым вниманием.

Трое других участников — мужчины двадцати-тридцати лет — держались особняком. Самый низкорослый из них, казалось, выбился из сил: он лежал на камне без движения, а во время подъема постоянно плелся в самом хвосте. Двое оставшихся молча жевали пайки; они почти не разговаривали и не привлекали к себе внимания. Что касается Чжао Гуанхуэя, с которым Ли намеренно пытался завести разговор, тот меньше всего походил на игрока.

Подмечая каждое слово и жест товарищей, Ли Цзяньчуань восполнял запасы энергии и время от времени поглядывал на далекую Южную гору.

Его спутник проследил за взглядом и внезапно произнес сиплым голосом:

— Солнце сегодня что-то слишком быстро садится.

Он вытащил выданный утром спутниковый телефон, чтобы проверить время: половина третьего дня. В заснеженных горах невозможно было отличить весну от осени, а широту от долготы, как и правильно определить время восхода и заката. Но солнце взошло только в шесть утра — оно никак не могло коснуться горных пиков уже в два часа дня.

— У тебя есть какие-то соображения на этот счет? — спросил Ли.

Чжао Гуанхуэй лишь покачал головой и промолчал.

Закончив обед, семеро альпинистов собрали вещи и продолжили восхождение.

Ли Цзяньчуань не знал, как обстоят дела с покорением вершин в реальности, но понимал: с наступлением темноты в дикой местности опасность возрастает многократно. Им нужно было добраться до отмеченного на карте красного лагеря до заката.

Ледорубы один за другим вонзались в гладкий лед. Продвижение давалось с колоссальным трудом. Сунь Чан, шедший впереди, дышал тяжело, как рваные кузнечные мехи; его голос, заглушаемый метелью, доносился обрывками:

— Последний рывок, держитесь... впереди красный лагерь! Ставьте ногу уверенно... здесь много ледниковых трещин, склон крутой, может сойти лавина, не говорите гром...

Он не успел договорить.

Сзади раздался резкий, сухой треск лопающегося льда. Пронзительный крик, перекрывший свист ветра, вонзился в тишину гор:

— А-а-а!

— Линда!

Чжао Гуанхуэй и еще один мужчина, оказавшийся рядом, бросились на помощь, успев схватить Линду, которая уже наполовину провалилась в ледяной разлом. Девушка в панике бессмысленно барахталась, пытаясь выбраться, и издавала короткие, сдавленные вскрики.

— Уходим! Быстро, уходим! — лицо Сунь Чана исказилось от ужаса.

Ли Цзяньчуань одним прыжком преодолел расстояние, твердо встал на лед и, ухватив Чжао Гуанхуэя за пояс, одним рывком вытащил его вместе с Линдой. Не выпуская их, он потащил обоих по ледяной поверхности вслед за Сунь Чаном.

Но не успел он сделать и пары шагов, как почувствовал под ногами легкую дрожь — казалось, по леднику несется стадо огромных зверей. Над головой закружились снежные вихри, а со склона донесся глухой гул, похожий на раскаты грома. Звук нарастал, стремительно приближаясь.

— Лавина! Это лавина! Ищите камни... — голос Сунь Чана сорвался на визг.

Почти сразу же над ними возникла стремительно несущаяся белая стена. Неистовый поток снега, перемешанный с огромными глыбами льда, обрушился вниз, сметая всё на своем пути.

Ли бросился к ближайшему скальному выступу.

В одно мгновение мир исчез. Колоссальное давление, тяжелое, как целая гора, обрушилось на тело Ли. Мышцы и кости отозвались резкой болью, не выдерживая нагрузки. Он успел принять защитную позу, прежде чем его сознание, скованное невыносимым холодом, окончательно угасло.

Ли Цзяньчуань не знал, сколько времени прошло. Придя в себя, он обнаружил, что находится в странном сне.

Он стоял в узком, темном дверном проеме. Дверь была полуоткрыта, и на ней виднелись вырезанные строки стихотворения. За порогом царил мрак; в глубине угадывалась старая деревянная лестница, уходящая вниз по спирали.

«Снег ложится у окна,

Долго бьет колокол к вечерне.

Дом прибран к трапезе верной,

Стол накрыт, и тишина.

Лишь немногие странники в пути

От мрачных дорог к дверям придут...»

Ли невольно начал вслух читать вырезанные на дереве строки. Его хриплый голос эхом отражался в тесном пространстве, а снизу, кажется, потянул могильный холод. Пока он читал, дверь со скрипом медленно отворилась, словно ее толкнула невидимая рука.

Странное предчувствие заставило его войти внутрь. Не понимая, что происходит, он подчинился этому чувству и начал спускаться по лестнице, которая глухо постанывала под его весом. Пути наверх не было — ступени вели только в бездну. В руках он держал подсвечник с наполовину обгоревшей белой свечой; ее тусклое пламя едва разгоняло тьму коридора.

Пройдя один пролет, он наткнулся на следующую дверь. Стоило Ли увидеть ее, как он брезгливо поморщился.

Это были врата, багровые от крови. Присмотревшись, он понял, что их поверхность соткана из жуткого месива. В нос ударил резкий, тошнотворный запах гнили. Бесчисленные куски измельченной человеческой плоти образовывали полотно двери; сине-черные вены переплетались в безумном узоре, а среди этого месива пульсировали обрывки конечностей и

глазные яблоки, издавая мерзкое чавканье.

Подавляя отвращение, Ли Цзяньчуань подошел ближе, продолжая шептать стихи. Стоило словам зазвучать громче, как Врата из плоти и крови нехотя приоткрылись, оставив щель, в которую мог пролезть лишь один человек.

Он стремительно скользнул внутрь.

Соприкосновение с дверью длилось лишь миг. Когда Ли снова оказался на ступенях, миновав преграду, какое-то чувство заставило его обернуться. Десятки глаз всплыли на шевелящейся поверхности плоти и разом уставились на него. Этот взгляд, полный предвкушения смерти, заставил кожу на голове Ли поползти.

Он отвернулся и поспешил дальше.

Свет свечи удалялся. В застывшей тишине продолжало раздаваться мерзкое хлюпанье. Под слоем глазных яблок медленно всплывали десятки лиц, искаженных в немом крике, и снова погружались в кровавую массу. Одно из лиц вытянулось, с трудом выдавливаясь из этой мешанины. Постепенно из плоти освободились руки, затем ноги. Существо ступило на ступени; в его руках появился подсвечник с огарком белой свечи.

Оно немного размяло тело и бесшумно последовало за Ли Цзяньчуанем вниз.

Ли и не подозревал о том, что происходит за его спиной. Продолжая читать стихи, он преодолел еще две сотни ступеней, пока не увидел вторую дверь.

Она выглядела обыденно — железная решетка, похожая на тюремную. В ней было маленькое окошко, за которым царил непроглядный мрак. Даже ночное зрение Ли не могло разглядеть там ни единого контура.

Он подошел вплотную и продолжил декламацию. Ли не знал, зачем он это делает, но в этом сне его действия подчинялись какой-то иной воле.

— Ты... Наставник? — внезапно из окошка донесся дрожащий, жуткий голос, лишенный всяких интонаций.

«Наставник?» — Ли нахмурился. Это слово было ему совершенно незнакомо.

— Ты... Наставник? — повторил голос.

Тон оставался ровным и мертвым. Дверь, несмотря на звучащие стихи, не шелохнулась. Видимо, чтобы пройти, нужно было ответить на вопрос.

Ли Цзяньчуань на мгновение задумался. Прекратив чтение, он твердо произнес:

— Нет.

Едва слова сорвались с его губ, как из окошка решетки выстрелила бледная рука — тонкая, как лапша, и невероятно длинная. Она двигалась с молниеносной быстротой и в мгновение ока обвилась вокруг шеи Ли, сдавливая ее мертвой хваткой.

Разум Ли Цзяньчуаня успел среагировать, он попытался сопротивляться, но тело наотрез отказалось подчиняться командам. Впервые он познал чувство абсолютного бессилия. Он мог лишь беспомощно наблюдать за тем, как бледные пальцы перекрывают кислород, позволяя удушью и жуткой боли захлестнуть сознание.

Смерть была мгновенной.

— Фух!

Удушье отхлынуло, словно отлив. Ли Цзяньчуань резко открыл глаза. Ощущение ледяного дыхания смерти было настолько реальным, что даже его железная воля на пару секунд дала сбой. Но боль и давление на тело быстро вернули его в реальность.

Он пошевелил затекшими конечностями, постепенно возвращая им чувствительность. Ли начал яростно разгребать снег над головой, и вскоре пробил небольшое отверстие. Ледяной ветер и разреженный воздух ворвались внутрь; Ли жадно вдохнул, и тупая боль в раздавленных внутренностях немного притупилась.

Судя по толщине снежного покрова, лавина была не самой мощной, но и слабой ее назвать было нельзя. Снаружи уже стемнело; они пробыли под снегом довольно долго, и шансы найти выживших стремились к нулю.

Ли Цзяньчуань расширил лаз и уже собирался выбраться наружу, как вдруг его нога наткнулась на что-то внизу. Он вспомнил, что Чжао Гуанхуэй и Линда были рядом с ним, когда всё началось. Вполне вероятно, что он наткнулся на кого-то из них.

Ли не считал себя святым, но и бросать людей умирать, если в его силах было помочь, он не собирался. Он прикинул направление и начал копать там, где должно было находиться лицо пострадавшего. Снежная пыль летела во все стороны.

Вскоре его пальцы нащупали плоть. Ли замер на мгновение, смахнул остатки снега и увидел застывшее, сине-багровое лицо Чжао Гуанхуэя. Он приложил пальцы к сонной артерии — пульса не было. Человек был мертв уже давно.

Ли тяжело выдохнул и присел, чтобы перевести дух. Он раздумывал, стоит ли выкапывать тело полностью для осмотра. Но в следующий миг за спиной, чуть поодаль, раздался знакомый радостный голос:

— Брат Чуань, это и впрямь ты! Я так и знал, что ты выкарабкаешься!

Сердце Ли Цзяньчуаня пропустило удар. Он резко обернулся. Свет налобного фонаря на миг ослепил его. В этом ярком луче стоял Чжао Гуанхуэй и, мелко дрожа от холода, широко и добродушно улыбался. Живой, настоящий.

Ли мгновенно опустил взгляд вниз. Прямо перед ним из-под снега смотрели остекленевшие, пустые глаза трупа. Лицо было точь-в-точь таким же. Это был его спутник. Но если мертвец лежал здесь, то кто тогда подошел к нему со спины?

От этой догадки по спине Ли пробежал ледяной холод. Он осторожно вдохнул. Пока Чжао Гуанхуэй со своим фонарем не подошел слишком близко, Ли, не меняясь в лице, незаметно подтолкнул ногой снег, скрывая тело мертвеца.

— Ты как, в порядке? — Ли Цзяньчуань пристально следил за лицом подошедшего, ловя малейшее изменение в мимике.

Тот, казалось, ничего не заметил. Он выглядел как человек, чудом избежавший гибели, и глуповато улыбался:

— В норме, в норме. Только под снегом было тяжело, воздуха не хватало, легкие до сих пор горят.

Пока он говорил, из-под снега у валунов начали выбираться остальные участники Северной группы. Семь человек. Все до единого были живы.

— Я думал... нам конец... — пробормотал Сунь Чан; его губы были синими от нехватки кислорода.

Группа собралась вместе. Им удалось откопать два рюкзака, и после короткого обсуждения было решено разбивать лагерь прямо здесь. После лавины они окончательно потеряли ориентиры, а карабкаться по горам ночью было равносильно самоубийству.

— Продержимся до утра, а там нас обязательно найдут спасатели. В лагере наверняка слышали шум, — Сунь Чан, немного придя в себя, пытался подбодрить остальных, хотя его зубы продолжали выбивать дробь. — У нас всего две палатки, будем отдыхать по очереди. Сейчас семь вечера.

Он немного подумал и добавил:

— Сделаем так: с семи до двенадцати дежурят трое, с двенадцати до пяти — еще трое. Линда — дама, пусть отдыхает всю ночь, ей дежурить не нужно.

Никто не стал возражать. Ли, помня о своем Законе, вызвался дежурить в первую смену, до полуночи. Вместе с ним остались Чжао Гуанхуэй и еще один угрюмый, молчаливый мужчина. Остальные были настолько измотаны, что, несмотря на ранний час, немедленно залезли в палатки и мгновенно уснули.

Первая половина ночи прошла спокойно. Ли Цзяньчуань всё еще прокручивал в голове тот странный сон под снегом — ощущение смерти в нем было слишком достоверным. Но он не собирался спрашивать других, не снилось ли им чего подобного. В такие моменты нужно быть предельно осторожным и не выдавать себя.

В полночь Сунь Чан с остальными сменили первую тройку. Ли не стал церемониться: он забился в угол палатки и закрыл глаза, проваливаясь в чуткую дрему. В руке он сжимал ледяной шип. Наступило время его Закона — что бы ни случилось, он не мог открыть глаза, а значит, бдительность должна быть максимальной.

В палатке стоял дружный храп — все спали глубоким сном. Снаружи неистовствовала буря; ветер с грохотом бился о ткань палатки. Ли Цзяньчуань находился в состоянии полузабытья, когда внезапно сквозь яростный рев метели уловил странный звук. Казалось, кто-то вонзает что-то острое в податливую плоть; этот звук перемежался приглушенными стонами боли и доносился из-за пределов палатки.

Он порывался открыть глаза и посмотреть, что происходит, но его будильник еще не прозвенел — час ночи не наступил. Он прижался ухом к стенке палатки, напряженно вслушиваясь. Звуки ударов прекратились, остался только свист ветра. Ему на мгновение показалось, что это лишь слуховая галлюцинация.

Однако, когда Ли уже собирался сменить позу, до него донеслось жуткое, невнятное чавканье. Прислушавшись, он понял: звуков два. Словно двое существ жадно что-то пожирали. Эти звуки стихли как раз перед тем, как наступил час ночи.

Подождав еще немного, Ли с заспанным видом выбрался из спальника и, притворившись, что ему нужно отойти по нужде, вышел из палатки. Троица во главе с Сунь Чаном сидела вплотную друг к другу, пытаясь согреться. Они с трудом разлепляли веки и постоянно зевали. Увидев Ли, они коротко кивнули ему.

Вокруг не было ни подозрительных следов, ни странных запахов. Ли Цзяньчуань сделал небольшой круг и уже собирался вернуться в палатку, как вдруг вспомнил о Нин Чжуне. Как этот парень в своем хрупком теле переносит эту ледяную ночь? Пережила ли его группа что-то подобное? Необъяснимая тревога шевельнулась в его душе.

Он достал спутниковый телефон, надеясь, что сможет связаться с Южной группой — отсутствие связи с внешним миром не означало запрет на внутренние звонки. Но стоило

экрану загореться, как Ли увидел сообщение, пришедшее четыре часа назад. Отправитель — Хань Шу.

Прочитав его, Ли Цзяньчуань почувствовал, как его зрачки сузились.

[Хань Шу:]

[Дорогие альпинисты, у меня для вас печальная новость. Сегодня днем обе группы — и Северная, и Южная — одновременно попали под лавину. Ни одна снежинка не чувствует себя виноватой в катастрофе, но выжила лишь одна команда. Мой вопрос таков: как вы считаете, кто остался в живых — Южная группа или Северная?]

[У всех игроков есть шесть часов на выбор.]

[Если верных голосов будет больше половины, вы сможете продолжить восхождение.]

[Если ошибетесь — погибнут все.]

Кнопка ответа мерцала, напоминая Ли, что времени на раздумья почти не осталось. Он несколько минут сверлил взглядом светящийся экран, а затем ввел: [Южная группа].

Едва он нажал кнопку «Отправить», как мир вокруг него закружился. Ли Цзяньчуаня ощутимо потрянуло. Он невольно открыл глаза, которые только что сомкнул.

Увиденное заставило его замереть в изумлении.

Налобный фонарь лежал на карте, освещая центр палатки. Семь фигур в плащах стояли внутри; на их лицах, кажется, застыло такое же выражение ошеломления.

В этот момент полог палатки расстегнулся, и внутрь вошел Хань Шу. Посветив фонарем, он небрежно бросил:

— Все в сборе?

Ли Цзяньчуаню вдруг показалось, что эта сцена ему до боли знакома.

Хань Шу выключил фонарь и сел рядом с картой:

— Садитесь, садитесь все. Меня зовут Хань Шу, можете называть меня брат Хань. Ваша акклиматизация закончена. Завтра начнется официальное восхождение. В ближайшее время я буду вашим проводником. Штурм восьмитысячника — это не шутки...

Пока Хань Шу продолжал говорить, жестом приглашая игроков садиться и разбирать еду, никто не шелохнулся. Все семеро застыли на месте — кажется, каждый из них осознал суть происходящего.

<http://bllate.org/book/15871/1441094>